

Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана.

Послѣ нѣкотораго размышленія я рѣшилъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ занимались политикою, которая была моею всегдашнею слабостью.— Я буду знать пружины, по которымъ движется все, говорилъ я себѣ.—Первый приступъ былъ неудачный. Товарищъ министра Вестманъ поразилъ меня своимъ самодовольнымъ и своимъ высокомернымъ видомъ. Онъ долго объяснялъ мнѣ, что все занято. Только благодаря Гамбургеру и Стремоухову я попалъ въ Азіатскій Департаментъ.— Незнаніе жизни и нѣкоторая замкнутость въ себѣ не понравилась сначала товарищамъ. Они сказали про меня *il se prend au sérieux*. Но это было только вначалѣ. Потомъ большинство меня полюбило, выгораживало передъ начальствомъ и восхваляло мои способности. Такими друзьями моими сдѣлались бар. Розенъ, бар. Стюартъ, Персіани, Шимановскій и проч. Были и чернорабочіе, которые не были приняты въ наше общество. Такимъ былъ Суровцевъ.— Несчастный умеръ въ чахоткѣ въ Швейцаріи.— Я сначала не ходилъ къ Стремоуховымъ, но потомъ сдѣлалъ ему визитъ.— Серьезнѣе всѣхъ понималъ свои обязанности самъ Стремоуховъ, весьма талантливая личность. Лицо у него было бритое (*à lame de couteau*), острое, какъ лезвіе ножа. Онъ былъ чрезвычайно ловокъ, вкрадчивъ и имѣлъ большое вліяніе на канцлера. Ко мнѣ онъ благоволилъ, и я остался ему за это очень благодаренъ, и не отказался отъ него тогда, когда онъ палъ. Онъ работалъ чрезвычайно легко, зналъ великолепно Востокъ. Ему поручалось самое важное въ министерствѣ. Главнымъ достоинствомъ его было то, что онъ былъ русскій въ полномъ смыслѣ

этого слова. Русскіе интересы стояли у него на первомъ планѣ, не такъ, какъ у нѣмцевъ министерства (Вестмана и друг.). Обращеніе его съ подчиненными было безукоризненное. Никогда не слышался начальнической тонъ, напротивъ, онъ былъ всегда вѣжливъ, любезенъ и если былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то онъ никогда не позволялъ себѣ ни одного обиднаго слова.

Изъ бумагъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, я узналъ о разговорѣ Стремоухова съ Тьеромъ, а потомъ съ Бисмаркомъ. Последнее тѣмъ меня поразило, что Желѣзный Князь предлагалъ по-просту подѣлить Австрію. Отчего не согласились наши великіе мужи, или они боялись, что Германія захватитъ себѣ львиную часть? — Кончилось тѣмъ, что Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австріей противъ насъ. Стремоуховъ умѣлъ отличать способныхъ людей, но онъ не особенно приближалъ ихъ къ себѣ. Ионинъ, Стюартъ послѣ долгихъ лѣтъ получили выдающіеся посты. — Онъ выдвигалъ такихъ, которые придерживались пословицъ: „кадиломъ рыла не разобьешь“. Такими были: Мельниковъ — бездарная и надутая личность. Правда, онъ работалъ какъ волъ. Находясь даже въ качествѣ вице-директора, онъ былъ на побѣгушкахъ у Стремоухова. А когда Стремоуховъ лишился своей власти вязать и рѣшать, онъ повернулъ ему спину и прилѣпился къ Жюмини. — „Не смѣть свое сужденіе имѣть“ было Мельникова лозунгомъ; а когда онъ начиналъ говорить, то мякалъ (мя... мя) по выраженію Стюарта.

Когда я поступилъ въ Азіатскій Департаментъ, то вице-директоромъ былъ баронъ Остенъ-Сакенъ, начальникомъ отдѣленія баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ Стюартъ и дѣлопроизводителемъ VIII к. или столоначальникомъ былъ баронъ Романъ Романовичъ Розенъ... Экзаменъ дипломатическій не трудно было сдать. На первыхъ порахъ я поспорилъ съ своимъ начальствомъ, которое требовало, чтобы я писалъ Азіатскій съ я, а не съ а, какъ это принято въ литературѣ. Я сошелся и съ моимъ начальствомъ и съ товарищами. Барона Остенъ-Сакена многіе знаютъ по Географическому Обществу. — Онъ былъ тогда недоступенъ для насъ, молодежи. Прежде всего потому, что у вице-директора особый кабинетъ и туда пойдешь только по дѣлу. — Онъ зналъ очень хорошо покойнаго Гильфердинга. Баронъ Остенъ-Сакенъ представлялъ собою типъ основательнаго германца. Немного педантъ, но человекъ въ высшей степени порядочный, знающій свое дѣло и любящій Востокъ.

Его Стремоуховъ не долюбивалъ и постарался сбыть его куда-нибудь. Онъ былъ переведенъ директоромъ внутреннихъ сношеній, — хорошее назначеніе для спеціалиста по Востоку. Баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ Стюартъ былъ душою общества. Остроумный даже съ излишествомъ, потому что изъ-за краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца, онъ маленькими шажками перебѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, сыпалъ остротами. Онъ подсмѣивался рѣшительно надъ всѣми, но на него никто не обижался. Хотя онъ казался легкомысленнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ добросовѣстный работникъ, любящій свое дѣло. Онъ хвалился тѣмъ, что у него былъ священный огонь. Я близко сошелся съ нимъ и со всею его семьей, съ женою и съ двумя мальчиками, съ которыми я возился, игралъ. Съ Стюартомъ мы спорили напропалую и вели нескончаемые русскіе разговоры. Потомъ мы выпили на брудершафтъ и вообще, я считалъ его однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ былъ не очень красивъ, обликъ британскій: бритое лицо съ баками, подслѣновать, въ очкахъ и съ лысиной во всю голову. — Его друзья иногда въ шутку цѣловали его лысину и вообще прохаживались на его счетъ. Больше всего ему доставалось отъ его товарища по Лицею Персіани, котораго мы окрестили Протестъ (вмѣсто Виктора) Ивановичъ. — Онъ всегда шумѣлъ, даже кричалъ, былъ вхожъ къ Стремоухову, который мирился съ его крикливой и протестующей манерой. Персіани былъ единственный человѣкъ съ характеромъ. — Онъ былъ крикунъ, это правда, но въ немъ было много благородныхъ чертъ.

Съ барономъ Розеномъ мы скоро сошлись на ты, и онъ былъ скорѣе моимъ товарищемъ, чѣмъ моимъ начальникомъ. Онъ не былъ такой ретивый работникъ, какъ Стюартъ, не напрашивался на работу (какъ я дѣлалъ сначала по неопытности), но отъ дѣла не бѣгалъ и исполнялъ его очень хорошо. Онъ былъ свой у Стремоухова, какъ и его другъ Григорій Вилламовъ, недоучившійся гимназистъ, какъ о немъ выразился баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ департаментѣ былъ Ronichène (Велецкій), mandarin Gros (Броссе). Всѣ эти клички были даны Стюартомъ. Я бывалъ у Стремоуховыхъ только съ визитомъ и довольно рѣдко. У Стремоуховыхъ, какъ мнѣ говорили, шла большая игра и мнѣ тамъ нечего было дѣлать... При немъ Азіатскій департаментъ сдѣлался осью нашей внѣшней политики. Онъ пользовался благосклонностью канцлера, который

прочилъ его въ товарищи министра... Я забѣгу немного впередъ, чтобы познакомить съ Стремоуховымъ. Но дѣло не выгорѣло, и Петръ Николаевичъ Стремоуховъ подалъ въ отставку, когда на мѣсто товарища министра назначили Гирса. (Я поступилъ еще при Вестманѣ, который потомъ умеръ). Горчаковъ, хотя и выставлялъ кандидатуру Стремоухова, былъ доволенъ назначеніемъ Гирса, который женатъ былъ на племянницѣ канцлера княжнѣ Кантакузиной. Гирса назначили вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Азіатскимъ департаментомъ. Канцлеръ, котораго я никогда не видѣлъ (теперь не знаю почему), послѣ назначенія Гирса, какъ-то пригласилъ кого-то къ обѣду и сказалъ при этомъ: „у меня за обѣдомъ будетъ каша...“ Подаютъ супъ, а каши никакой нѣтъ. Потомъ канцлеръ спрашиваетъ Гирса: ну, что, какъ дѣла... Гирсъ, хватаясь за голову, говоритъ: „ахъ, у меня такая каша въ головѣ“. Канцлеръ только взглянулъ на гостя... Это было обычное изреченіе Гирса ¹⁾, и онъ мнѣ говорилъ это не разъ... Пока отъ него ожидали богатая милости, у него на пріемахъ была толчея. У него были, конечно, враги, но ихъ не было видно. Но когда стало извѣстно, что онъ уѣзжаетъ въ свою деревню, то кругъ друзей его порѣдѣлъ. Даже не нашлось людей, чтобы дать ему обѣдъ. И онъ, предвидя все это, скоропалительно собрался, и тѣмъ, которые хотѣли почтить уходившаго начальника, осталось только пригласить его на трапезу передъ самымъ уходомъ поѣзда, къ Палкину. Я не буду говорить, кто не былъ на этомъ обѣдѣ... Былъ, конечно, Стуртъ, Персіани, только-что поступившій въ Азіатскій департаментъ князь Сергій Шаховской (впослѣдствіи губернаторъ въ Балтійскомъ краѣ) и еще два-три человѣка... Обѣдъ былъ невеселый. Я никогда не забуду, какъ мадамъ Стремоухова, сидя за закусочнымъ столомъ, роняла крупныя слезы въ свою тарелку. Петръ Николаевичъ держался бодро, но и онъ, произнося прощальный спичъ, прослезился. Онъ все думалъ, что фортуна улыбнется ему, но онъ такъ и остался въ своемъ чудномъ имѣніи (я его посѣтилъ потомъ) въ Курской губерніи.

¹⁾ Мнѣ пришлось ему не разъ докладывать о дѣлахъ. Такъ какъ Мельниковъ (вице-директоръ) и Базилевскій, начальникъ отдѣленія, они оба Александры Александровичи, то Гирсъ спросилъ меня: и вы, можетъ быть, тоже Александръ Александровичъ; ну слава Богу—вы Григорій Александровичъ.

Въ то время я взялъ роскошный номеръ въ гостиницѣ „Демуть“. Жилось мнѣ въ Петербургѣ очень весело. Я тогда говорилъ про себя В. Е. (*jeune, beau, riche* и слѣдовало прибавить „*stipide*“). Въ тѣ времена Патти, Лукка, Нильсонъ, производили по очереди фуроръ. Патти я встрѣчалъ въ обществѣ у Лидіи Михайловны Жербиной, которая давала балы, вечера. Я очень любилъ бывать у брата ея Саввы Михайловича Яковлева и у жены его Зои Юрьевны, которая потомъ написала нѣсколько повѣстей и даже пьесу. Насъ шуткой называли „наши посѣтители“... Она читала свои романы, я свои... Бывалъ также у сенатора Сергѣя Ивановича Заруднаго, очень интереснаго человѣка, автора книги о Беккари. У него была многочисленная семья. Жена его Зоя Александровна постоянно ссорилась съ мужемъ, и семейныя сцены происходили даже при чужихъ. Зарудный, насколько я его понималъ, не любилъ заискивать въ людяхъ. Когда Побѣдоносцевъ, съ которымъ онъ былъ хорошо прежде знакомъ, оказался въ силѣ, онъ не навязывался къ нему и даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, а Зоя Александровна, напротивъ, искала укрѣпить такого рода связи, и отъ этого происходили стычки между мужемъ и женою.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ департаментѣ Стюартъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: я слышу, что ты ужасно интересуешься славянствомъ. Хочешь поѣхать секретаремъ консульства въ Сараево?.. Я сказалъ, что я поѣду съ удовольствіемъ. Многіе не понимали, какъ человѣкъ обеспеченный ѣдетъ въ такую глушь. „Да тамъ сопьешься“, говорили мнѣ. Я уже ожидалъ своего назначенія, какъ меня позвали въ кабинетъ Стремоухова...—Я слышу, сказалъ онъ, что вы хотите ѣхать за границу, въ славянскія земли. Есть ли у васъ средства? Я сказалъ, что да и очень достаточныя.—Въ такомъ случаѣ, вотъ что — Ладыженскій, секретарь генеральнаго консульства въ Будапештѣ, жалуется, что онъ не можетъ жить тамъ за недостаткомъ средствъ. Хотите ѣхать туда?.. И тамъ вы познакомитесь съ славянствомъ, во всякомъ случаѣ, это большой городъ, а не какая-нибудь глушь. Я, конечно, согласился и былъ вскорѣ назначенъ въ Будапештъ, а Ладыженскаго перевели въ Бѣлградъ.

Стюартъ озлился на это назначеніе. Розенъ отговаривалъ меня ѣхать, находя, что я сдѣлаю лучшую карьеру въ Петербургѣ.—И что вы тамъ потеряли? Онъ меня, дѣйствительно, любилъ и желалъ мнѣ добра.

Въ Будапештѣ я попалъ еще неопытнымъ дипломатомъ. Я былъ слишкомъ молодъ; наличность матерьяльныхъ средствъ дала мнѣ слишкомъ большую независимость. У молодыхъ людей, попадающихъ на такіе отвѣтственные посты, невольно закружится голова.

Подумайте только: въ Петербургѣ я только по наслышкѣ зналъ, что существуютъ государственные люди, и если съ ними встрѣчался, то они меня, какъ молодого человѣка, не удоставали своими разговорами... Въ Пештѣ же, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, я сразу очутился лицомъ къ лицу не только съ видными лицами Пештскаго общества, но и съ самимъ Андраши и другими министрами.

Первое мое знакомство въ Вѣнѣ—посланникъ нашъ Новиковъ. Я говорилъ ему о сочувствіи къ славянамъ, но это его, какъ мнѣ показалось, очень мало тронуло. Онъ мнѣ сказалъ, что Блюмеру (генеральному консулу въ Пештѣ) жизнь тамъ не нравится. Трудно сойтись тамъ съ мадьярами. Они считаютъ его ни во что.

Вообще, мнѣ показалось, что Новикову все равно, существуютъ ли славяне въ Австріи, а скорѣе онъ думалъ о томъ, какое содержаніе получить онъ изъ министерства. Въ головѣ его сидѣла мысль сдѣлаться посломъ и получить 14 т. добавочнаго содержанія... Славяне къ нему относились враждебно, потому-то онъ не только не принималъ ихъ, но и не хотѣлъ видѣться съ оппозиціонными депутатами, какъ, на примѣръ, съ гр. Гогенвартомъ ¹⁾. То же говорили и о Блюмерѣ. — Блюмеръ очень хорошій, кажется, семьянинъ, джентльменъ, но Россіи не видѣлъ уже 15 лѣтъ и потому судить ее такъ, какъ иностранцы... Педантъ, большой руки. Славянъ онъ просто не знаетъ. На примѣръ, онъ не зналъ, что сербы и хорваты одинъ народъ, толковалъ о томъ, что хорошо бы было ввести латинскій шрифтъ въ Россіи. Кажется, онъ былъ прежде секретаремъ въ Дрезденѣ, и въ Дрезденѣ осталась жить его семья (впрочемъ изъ видовъ экономіи). Онъ жилъ въ Пештѣ поневолѣ въ гостиницѣ и только и думалъ, какъ бы уѣхать въ Дрезденъ. Когда я пріѣхалъ, онъ познакомилъ меня съ руководителемъ венгерской политики, записалъ въ клубы и уѣхалъ въ Дрезденъ. Мнѣ это очень не понравилось. Не боги горшки обжигаютъ, сказалъ я. Я зналъ, что Блюмеръ, когда писалъ

¹⁾ Теперь я нахожу, что Новиковъ былъ совершенно правъ..

донесенія, то матеріалъ извлекалъ изъ мѣстныхъ газетъ. Я сразу сталъ управляющимъ генеральнаго консульства, сносился съ венгерскими властями, знакомился и съ золотою молодежью, тратилъ свободно деньги и былъ всюду принятъ. Со мною бесѣдовали сѣдовласые старцы, такія личности, какъ лордъ Лофтусъ (англійскій посолъ), вскакивалъ съ мѣста и привѣтствовалъ меня. Все это льстило моему тщеславію и самолюбію, и я вообразилъ себя персоною.

На первыхъ порахъ мнѣ повезло, и я очень хорошо справлялся съ своей обязанностью. (Конечно, эти „частые отпуска“ Блюмера были неизвѣстны въ Петербургѣ). Какъ-то я прочиталъ въ газетѣ, что Великая Княгиня Александра Іосифовна пріѣзжаетъ въ тотъ же день въ Пештъ и на пароходѣ поѣдетъ по Дунаю. Я бѣгу къ Блюмеру узнать, что нужно дѣлать.— Блюмеру очень не хотѣлось отложить своей поѣздки, и онъ сказалъ мнѣ: „Вамъ нужно ѣхать на пароходъ представиться Великой Княгинѣ. Она, вѣроятно, васъ не приметъ... Ну и все“... Я такъ и сдѣлалъ. Великая Княгиня очень мило приняла меня и, узнавъ въ разговорѣ, что у меня дача въ Крыму, очень заинтересовалась этимъ обстоятельствомъ, спрашивалась, гдѣ дача и т. д. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, она подала свою руку, которую я поцѣловалъ и потомъ я ушелъ... На пароходѣ я сталъ искать, чтобы проститься, церемоній-мейстера барона Рамзая, но въ это время кто-то тоже искалъ его. Я слышалъ слова: „Великая Княгиня требуетъ барона Рамзая“. Послѣдній, не обращая на меня никакого вниманія, побѣжалъ къ Великой Княгинѣ. Но онъ сейчасъ же вернулся и передалъ мнѣ приглашеніе Великой Княгини пріѣхать вечеромъ пить чай... Вечеръ былъ чудесный, и Великая Княгиня съ другими дамами пила чай на палубѣ. Великая Княгиня была въ духѣ, рассказывала очень много о своей дочери Королевѣ Греческой, иногда спрашивала меня про Пештъ и т. д. Вообще разговоръ былъ оживленный, говорили о литературѣ, однимъ словомъ, затрагивались разные предметы. Затѣмъ, когда я уже сталъ прощаться, то Великая Княгиня пожелала мнѣ много успѣха въ моей карьерѣ и т. д.

И съ мадьярами мнѣ сначала повезло, если вспомнить, какъ они обращались съ иностранными консулами и даже съ моимъ начальникомъ Блюмеромъ. Нѣкоторые по цѣлымъ недѣлямъ сидѣли съ нимъ рядомъ и не думали о томъ, что имъ нужно представиться ему.

Я познакомился съ молодежью и былъ представленъ министру графу Андраши, Бала Венкхеимъ. Самъ Блюмеръ, вернувшись изъ Дрездена, изумился моимъ успѣхамъ въ венгерскомъ обществѣ. Разсчитывая каждую копейку и живя на два дома, онъ, конечно, не тратилъ такъ много, какъ его секретарь. Увидѣвъ, что дѣло не страдаетъ, что я пишу донесенія, даже одобряемая въ Петербургѣ, онъ опять укатилъ въ Дрезденъ.

Изъ мадьяръ мнѣ больше всего пришлось разсуждать съ гр. Чаки (Czaky). Это былъ спокойный мадьяръ, аристократъ, говорящій по-нѣмецки безъ шовинизма и очень начитанный. Старого гр. Пальфа мадьяры не любили за отступничество отъ мадьяризма, считали австрійцемъ. Типъ стараго аристократа, утонченность, любезность обращенія, говорилъ замѣчательно хорошо по-французски и скептически относился къ новымъ порядкамъ... Былъ также въ это время Батіани, красивый брюнетъ, молодецъ собою, любитель скачекъ, но относительно умственнаго немного слабъ. Вообще молодежь отличалась невѣжествомъ (не то, что старики). Они, послѣдніе, представляли собою аристократію въ полномъ смыслѣ слова на представленіяхъ при дворѣ, на охотахъ, въ которыхъ принимали участіе король и королева.

Въ толпѣ этихъ блестящихъ, красивыхъ и здоровенныхъ рыцарей какъ-то смиренно выглядывалъ король въ своемъ штатскомъ платьѣ, или когда они являлись ко двору въ своихъ атитла (накидка) и небрежною походкою проходили залы дворца, считая себя какъ дома. Въ нихъ заискивалъ вѣнскій дворъ, и они это очень хорошо понимали. Прежде всего Андраши, который былъ приговоренъ къ смертной казни послѣ венгерской революціи, былъ теперь имперскимъ канцлеромъ и *persona gratissima*.

То и дѣло Императорская семья была въ Геделле (Венгрія). Я самъ видѣлъ императрицу на охотѣ, венгерскіе молодые люди держались тогда, по моему мнѣнію, слишкомъ свободно съ своей королевой (въ Пештѣ она была венгерская королева), но такъ было принято въ Вѣнѣ. Въ Гофбургѣ царилъ строгій этикетъ, а въ Венгріи—свобода. Хотя въ Пештѣ были только генеральные консулы, но венгерцы, желавшіе всячески имѣть свой особый дипломатическій корпусъ, старались повысить значеніе консуловъ, за которыми признавали дипломатическій характеръ. Всякій магнатъ могъ явиться ко двору, для этого ему не нужно было камеръ-юнкерскаго или камергерскаго званія. Король былъ

первымъ среди равныхъ. Они титуловали его *королевскимъ* величествомъ. Передо мною была аристократія, но въ этомъ сословіи уже вывѣтрились хорошія основы. Всѣ они, даже графъ Эстергази были въ долгу, какъ въ шелку. Занятія—охота или *steerlechase*, или карты. Оттого дѣла страны переходятъ въ руки „новыхъ людей“, которые изъ евреевъ превращаются въ самыхъ ярыхъ мадьяръ и вносятъ въ эту мертвенную, разлагающуюся среду свою энергію, свою пронырливость, свой талантъ. Я познакомился съ цѣлымъ выводкомъ гр. Зичи; говорятъ, что первоначальное происхожденіе ихъ было еврейское. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ типъ сохранился. Одинъ изъ приближенныхъ министра Зичи, тоже чистокровный еврей, ео ірсо ярый мадьяръ и руссофобъ. — Больше всего мнѣ понравился отецъ министра гр. Зичи (теперь посолъ въ Константинополѣ). — Онъ съ удовольствіемъ заговорилъ о Россіи, о Паскевичѣ. Его тоже не любятъ, потому что съ другими мадьярскими магнатами въ 1849 г. ѣздилъ предлагать королевство Венгерское великому князю Константину Николаевичу. Его обходятъ, но онъ за то сердится на мадьяроманство, говоритъ, что въ странѣ не свобода, а распущенность, что ничего изъ этого путнаго не выйдетъ. — Со мною онъ былъ замѣчательно утонченно вѣжливъ.

Видѣлъ я и принца *Ганноверскаго* (тогда лишеннаго владѣній), котораго титуловали королевскимъ высочествомъ. — Мадьяры ненавидятъ пруссаковъ и вообще нѣмцевъ, но насъ они считаютъ опаснѣе, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ. Вездѣ они видятъ интриги русскихъ соглядатаевъ. Каждый вопросъ, сдѣланный изъ любознательности, они считаютъ за подсматриванье съ предосудительною цѣлью.

Одинъ изъ младшихъ Зичи высказалъ мнѣ ¹⁾, что теперь Бисмаркъ будетъ Россіи препятствовать и не позволитъ ей занять Венгрію и возбуждать панславизмъ... — Тоже сказалъ онъ мнѣ: „Мы не боимся словаковъ — но съ сербами нужна кровавая баня (*wir müssen ein Blutbat haben*). Другая же сторона, т.-е. старики и даже молодой Чаки говорилъ, что при австрійцахъ было больше порядка, что теперь подкупы и общественная безнравственность дошли до колоссальныхъ размѣровъ.

Главный интересъ сосредоточивается въ этомъ собраніи (т. е. въ Казино) на гр. Андраши. — Мой учитель фехтованія

¹⁾ Въ то время у насъ процвѣталъ союзъ трехъ императоровъ.

(онъ училъ его также раньше) говорилъ про него „Er ist ein halber Slovack“. Дѣйствительно, семейство Андраши де Красногорке, вѣроятно славянскаго происхожденія. Андраши, имѣя русское помѣстье Требимевъ (Terebes), самъ говоритъ по-русски.—Онъ также искалъ спасенія въ Россіи отъ захватывающаго вліянія Германіи и ухватился съ жаромъ за поѣздку въ Петербургъ.—Изъ разговора, который онъ имѣлъ со Стремоуховымъ (я самъ читалъ эту записку), онъ не хотѣлъ усиленія славянскихъ элементовъ въ Венгріи и даже захватъ славянской территоріи не прельщалъ этого государственнаго чловека. Онъ очень ловко обошелъ Стремоухова и другихъ, которымъ наговорилъ массу комплиментовъ. — Онъ очень хорошо понялъ, что у Австро-Венгріи руки связаны, когда другіе мадьяры требовали войны за Францію въ 1870 г. Его нѣсколько цыганское лицо кажется полное страсти; но при этомъ спокойный сосредоточенный взглядъ. По всему его наружному виду (черные глаза, курчавые черные волосы, характерныя черты лица) можно предположить страстность движеній, жеста. Напротивъ, онъ говоритъ медленно, спокойно, не повышая тона, не перемѣняя наклона головы, какъ бы всматривается въ своего собесѣдника. Я часто видѣлъ такія лица у нашихъ хохловъ... Да, этотъ полу-мадьяръ, также какъ и Кошуть (словакъ) много дали мадьяризму. Много въ Австріи славянъ, перемѣнившихъ свою національность и оказавшихъ неоцѣнную услугу мадьярскому государству. Безъ этихъ славянскихъ людей въ мадьярскомъ платѣ давно бы погибло все царство. Мы кажемся имъ страшнѣе, умнѣе, предусмотрительнѣе, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ существуетъ. Гдѣ наши агенты? Имѣемъ ли мы сношенія съ славянами? Ведемъ ли мы интригу противъ мадьяризма? Скажу, нѣтъ и нѣтъ. Ни агентовъ, ни охоты у насъ нѣтъ. А нѣмцы (т. е. пруссаки) давно вошли въ сношенія со всѣми силами страны. Ихъ не терпятъ; но у нихъ есть друзья. А мы и дружбою не можемъ и не умѣемъ воспользоваться. У каждаго славянина болитъ сердце, когда онъ видитъ равнодушіе русскихъ.

Одно мнѣ нравится въ мадьярахъ, — это безграничный патриотизмъ, инстинктъ, который чувствуетъ въ Россіи Немезиду. Извѣстная прямота, искренность въ томъ, что они любятъ и что ненавидятъ. Они любятъ англичанъ и терпѣть не могутъ насъ и нѣмцевъ, и они это высказываютъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Это съ извѣстной стороны рыцарская черта.

Какъ я сказалъ раньше, я поставилъ себя хорошо. Но все испортило славянство. Мадыяры, даже жуирующая золотая молодежь очень скоро расчухала (извините за тривіальное выраженіе), что я не просто всѣмъ интересуюсь, даже учусь венгерскому языку. Надо сказать, что въ Пештѣ и Австріи шпионство доведено до совершенства — за мной слѣдили и потомъ говорили, съ какимъ это славяниномъ вы говорили... куда вы ходили вечеромъ вчера и т. д.

Какъ я ни прятался отъ нихъ, но мои сношенія съ славянами стали извѣстны. И это привело къ враждебнымъ отношеніямъ.

Будь я, какъ князь Святополкъ-Четвертинскій, лихой наѣздникъ, охотникъ, конькобѣжецъ, не прочь выпить, несмѣтно богатый и притомъ щеголяющій своимъ пренебреженіемъ къ Россіи, — я бы могъ еще продержаться. Но для меня и тогда выше всего была книга, а жизнь была на второмъ планѣ, и какъ-то сразу почувствовать перемену температуры... Во мнѣ узнали скрытаго панслависта. Можетъ быть и донесенія попались кое-кому въ руки, а въ донесеніи я писалъ о борьбѣ славянъ съ мадыяризмомъ... Вышла глупая исторія. Войдя какъ-то въ клубъ, я спросилъ графа Сапари о чемъ-то, онъ едва отвѣтилъ мнѣ и я, обидѣвшись, вызвалъ его на дуэль. Моими секундантами должны были быть венгерцы же—графъ Чаки и Сентъ Кирали (если мнѣ не измѣнила память). Поводъ былъ, конечно, пустячный, и венгерцы старались уладить дѣло. Я бралъ урокъ венгерскаго языка (дуэль была назначена на слѣдующій день), и вдругъ ко мнѣ входятъ мои секунданы и секунданы графа Сапари. Секунданы признавали, что нѣтъ даже причины для настоящей дуэли, хотѣли помирить насъ. Я былъ не прочь мириться, но требовалъ извиненія со стороны гр. Сапари или, по крайней мѣрѣ, объясненія. Секунданы удалились и достигли цѣли. Мы сошлись въ клубъ, и графъ Сапари въ присутствіи свидѣтелей высказалъ, что если онъ не обратилъ должнаго вниманія на мои слова, то эта небрежность была безъ всякаго намѣренія меня оскорбить. Наши руки соединили, а потомъ даже мы выпили...

Но эта исторія имѣла громадныя послѣдствія. Я прослылъ бреттеромъ, благо и въ Петербургѣ у меня тоже чуть не разыгралась дуэль, а также и въ Крыму. Стюартъ потомъ говорилъ: я боюсь сказать: Де-Волланъ меня вызоветъ на дуэль... Татищевъ рассказывалъ про меня въ департаментѣ, что я высказалъ претензію, отчего Андраши не говоритъ по-русски.

Это, конечно, была остроумная выдумка на мой счет. Мои коллеги ¹⁾ неоднократно обижались, что мадьяры, молодое поколѣніе, при иностранцахъ говорили всегда по-мадьярски, и это, конечно, не совсѣмъ вѣжливо. Старое поколѣніе мадьяръ говорили, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки и, кажется, охотнѣе говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-мадьярски. Можетъ быть и меня коробило это невниманіе мадьяръ, но, какъ я говорилъ, въ началѣ они были очень внимательны и любезны. И я учился по-мадьярски и навѣрное выучился бы этому языку, если бы оставался дольше въ Венгріи. Интересно то, что гр. Андраши де-Красногорка владѣлъ имѣніями въ Угорской Руси и, конечно, зналъ по-русски (Ruthenish). Долженъ прибавить здѣсь, что всѣ эти магнаты знали мѣстный языкъ и меня тогда увѣряли, что я навѣрно не пойму рутеновъ, такъ какъ это не русскій языкъ...

Прошло нѣкоторое время послѣ исторіи съ Сапари, и я пошелъ въ клубъ. Мы тамъ обѣдали, завтракали, проводили почти цѣлый день. И вдругъ я узнаю, что меня забаллотировали. Я былъ очень изумленъ, такъ какъ думалъ, что мое избраніе въ клубъ состоялось (я платилъ деньги).—Переполохъ вышелъ ужасный среди консульскаго корпуса... Пошли переговоры. Думали сначала, что они всѣ выйдутъ изъ клуба, но потомъ всѣ остались—и что страннѣе всего, остался Блюмеръ. Я не придавалъ этому значенія.—Встрѣчаясь со своими клубными знакомыми, я пристально смотрѣлъ на нихъ и кланялся имъ, и онъ всегда отвѣчалъ на поклонъ.

Скажу теперь о другомъ кружкѣ—это загнанные, забитые славяне... Дѣйствительно, я былъ славянофиломъ уже въ Петербургѣ, но я не зналъ славянъ, а узнавши ихъ, я перестрадалъ съ ними ихъ страданія, возненавидѣлъ ихъ поработителей.

Ихъ держать въ черномъ тѣлѣ. Самый интеллигентный изъ нихъ, если онъ остается славяниномъ, не найдетъ доступа въ кружокъ джентльменовъ. Мадьяры говорятъ: словакъ не человекъ, говорятъ они (Iolh nem embes). Пережилъ съ Рубіемъ, Ханатоли, съ разными студентами, техниками, медиками всѣ тяжелые моменты ихъ политическаго рабства. Они входили ко мнѣ, точно дѣлали что-то запретное и, прійдя ко мнѣ, говорили отъ полноты наболѣвшей души. Выходя съ русской книгой

¹⁾ Моими неразлучными пріятелями были тогда французъ Грамотъ и итальянецъ Венаиси (тоже секретари), и я тогда шутя говорилъ, что важна лишь политическая система—союзъ Россіи, Франціи и Италии.

онъ бережно заворачивалъ ее или пряталъ, боясь непріятностей отъ своихъ же товарищей.

Если между ними являлись энергичные характеры ¹⁾, то ихъ старались сломить или даже просто уничтожить (попытка убить Добрянскаго). Сербы въ Пештѣ не стѣснялись высказывать громко свои мнѣнія передъ мадьярами, но это совсѣмъ особенный народъ. Они присылали мнѣ билеты на свои музыкальные вечера, на которыхъ я не могъ быть, потому что возбуждалъ бы цѣлую бурю въ пештскомъ обществѣ. Интересно, что мадьяры называютъ то насѣкомое русскимъ, которое у насъ приносятъ изъ кухни (у насъ называютъ пруссаками). Очень часто слышишь по улицѣ Russ и они за ними гоняются. Придаться къ нимъ нельзя, потому что скажутъ что-нибудь пошлое въ оправданіе. Также бранятся они: ахъ, ты словакъ, ахъ, ты Рацъ (т. е. сербъ).—А умственный горизонтъ этихъ повелителей Венгріи не высокъ. Что же грѣха таить, я старался вести пропаганду на свой собственный страхъ, зная очень хорошо, что если меня обвинять въ министерствѣ, я всегда могу подать въ отставку,—а дѣло все-таки сдѣлано.

Я поддерживалъ на собственные средства журналъ Карпатъ, выходящій въ Угорской Руси, журналы словацкіе, посылалъ деньги въ Славянскую матицу, выписывалъ цѣлую массу книгъ и раздаривалъ ихъ славянскимъ и русскимъ студентамъ. Потомъ снабдилъ Муковчевскую и Ужгородскую библіотеку новыми книгами, которыя читались тайкомъ. Задумалъ я составить сборникъ объ Угорской Руси, собиралъ угорскія русскія пѣсни, составилъ этнографическую карту Венгріи и т. д. Но собирать эти вещи сущее наказаніе. Всѣ боялись даже работать для васъ и потому для каждаго заказа надо искать оказіи вѣрнаго человѣка. Ну и не влюбились меня господа мадьяры... Славяне сѣтовали на равнодушіе Россіи, на то, что Россія уже въ 1849 г. не овладѣла Венгріей, когда всѣ съ энтузіазмомъ принимали русское воинство. Мечта славянъ была увидѣть государство, гдѣ бы свободно раздавалась славянская рѣчь, гдѣ пѣли, играли бы на этомъ языкѣ, гдѣ не только мужики, но и образованные говорятъ по-русски.—Вечера проходили въ разговорахъ о Россіи, потомъ они рассказывали мнѣ о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ писателей славянофиловъ они знали очень хорошо.—Пріѣхалъ въ

¹⁾ Словакъ патеръ въ Вышеградѣ, когда мы посѣтили его съ Будловичемъ, поднялъ русскій флагъ.

Пештъ проф. Будиловичъ. Онъ посѣтилъ всѣ общественныя собранія славянъ, посѣтилъ и Фенепци, Вамбери, Гунфальви. Конечно, они его приняли за соглядатая и даже высказали ему это. Ламанскій былъ заарестованъ и никто не вступился за него. Больше всего я смѣялся, когда узналъ, что бар. Остенъ-Сакенъ тоже арестованъ. Что же, вы думаете, кто-нибудь за нихъ заступился.—Это не въ нашихъ правилахъ.—Я пророчилъ Будиловичу, который приходилъ ко мнѣ заниматься полемикою, ту же участь. Онъ ѣхалъ въ Загребъ. Туда я послалъ тоже книги и даже музыкальныя и драматическія произведенія въ Хорватскій театръ. Жизнь русскаго не могла быть особенно пріятна въ Пештѣ. Ему нужно было отказаться отъ самого себя, чтобы потрафить мадьярамъ, и тогда они не довѣрились бы ему вполнѣ.—Потому я рѣшился прожить въ странѣ настолько, насколько нужно будетъ для изученія края. Для изученія края надо было видѣть, познакомиться съ администраціею, съ депутатами, съ мадьярскимъ народомъ, а затѣмъ поѣхать въ окранны страны.

Деморализація страны дошла, говорилъ я, до колоссальныхъ размѣровъ.—Депутаты, затрачивая на избраніе свое до 20.000 гульденовъ, старались наверстать это, пріѣхавъ въ столицу и получая директорскія мѣста въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Желѣзныя дороги строились просто въ угоду многимъ высокимъ лицамъ, напр. Требишевъ находится въ треугольникѣ желѣзныхъ дорогъ. Потому онѣ не даютъ почти никакого дивиденда.—Помощникъ министра Зичи удивлялся, что у насъ есть дороги (какъ Моск.-Рязанск.), которыя даютъ 25%.—Этого у насъ нѣтъ, замѣтилъ онъ. Если посмотрѣть на карту, то увидите зигзаги (т. е. подчинено разнымъ соображеніямъ), не говоря о безумной расточительности для украшенія Пешта и острова Маргариты. Мадьяры, несмотря на свой патріотизмъ, это признавали и на это жаловались. Потомъ прошелъ законъ, который не позволялъ депутатамъ занимать должности въ акціонерныхъ обществахъ. Лучше всего я сошелся съ русско-мадьярскимъ кружкомъ.—Нѣсколько ученыхъ въ Венгріи, не увлекаясь шовинизмомъ, посвятили свое время на изученіе русскаго языка. Мотивы къ этому были изученіе средне-азіатскихъ странъ, въ которыхъ мадьяры ищутъ своихъ родичей. Другіе же стали разыскивать мадьяризмъ въ вогулахъ, остякахъ и получили чрезвычайно интересныя результаты. На этомъ поприщѣ въ Россіи сдѣлали чрезвычайно много, и это заставило людей подобно Буденцу, Сентъ-Кирали, и т. д. изучать русскій языкъ.

Когда эти господа со мной познакомились, я сталъ знакомить ихъ съ нашею литературою и нашими научными изслѣдованіями. Сентъ-Кирали такъ восхитился Гоголемъ, что перевелъ его „Ревизора“ на мадьярскій языкъ. Черезъ годъ онъ былъ поставленъ на мадьярской сценѣ. Онъ восхищался „Войною и Миръ“ Толстого. Съ Буденцемъ мы дѣлали экскурсіи въ области археологій, сравнительнаго языкознанія. Онъ знакомилъ меня съ послѣдними результатами своихъ изслѣдованій въ области угро-финскихъ языковъ... Такъ проводили мы цѣлые вечера вмѣстѣ, находя тожество точекъ соприкосновенія, и доказывали, что для людей, любящихъ истину выше всего, злобы дня не существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ взаимно понимать другъ друга.—Нельзя привести все то, что мы переговорили въ это время, но эти господа встрѣчались у меня съ славянами, съ русскими и кажется полюбили Россію. Сентъ-Кирали даже хотѣлъ ее посѣтить... ¹⁾

Въ это время сестра, проѣздомъ изъ Италіи, захотѣла проѣхать въ Пештъ. Мы съ ней, съ Вильгельминой Егоровной и Анной Ивановною Кенигъ поѣхали вмѣстѣ внизъ по Дунаю до Бараша. Тамъ пути наши раздѣлились. Я рѣшился посѣтить Новый Садъ, Карловцы, часть Славоніи и Бѣлградъ.—Мы, дѣйствительно, ужасно мало знаемъ нашихъ родичей. Напр., я былъ въ Италіи 3 раза, зналъ Германію великолѣпно, воспитывался въ Германіи и потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, въ Лейпцигѣ, былъ во Франціи, Голландіи, Бельгіи, въ Греціи, Константинополѣ, и вотъ моя первая поѣздка въ Славянскія земли.—Конечно, я приготовился слушать, изучать (конечно бѣгло, потому что времени у меня было мало). Какъ только узнали, что я русскій и даже секретарь генеральнаго консула, то все вниманіе было устремлено на меня. Я попалъ въ Новый Садъ въ то время, какъ избирали сербскаго патріарха. Въ Новомъ Саду я познакомился съ Костичемъ (депутатомъ сербскимъ въ Пештъ), который поразилъ меня хорошимъ знаніемъ русскаго языка. Затѣмъ былъ у Милетича, который негодовалъ на русскихъ за ихъ равнодушіе къ сербскому дѣлу. Мнѣ приходилось говорить имъ, что Россія не можетъ зря броситься въ борьбу за славянъ, что, погибая, она скомпрометтируетъ и славянское дѣло.—Былъ въ Матицѣ (литературное общество) и тамъ нашелъ русскія книги, но только 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыхъ сочиненій они не знали. Надо сознаться, что мы весьма мало познакомили па-

¹⁾ У меня много писемъ отъ Буденца, написанныхъ по-русски...

шихъ братьевъ съ тѣмъ, что у насъ дѣлается. Поневоля они обращаются за образованіемъ въ Германію. Русскихъ книгъ вы не найдете нигдѣ за границею (кромѣ запрещенныхъ), и вотъ почему славяне, при всемъ желаніи, не могутъ воспользоваться нашими трудами. Говорилъ я съ цѣлою массою людей и вездѣ высказывалось самое искреннее сочувствіе къ Россіи, интересовались ея войскомъ, народомъ, реформами. Да, вы подвинулись, заключилъ онъ разговоръ. Милетичъ постоянно взываетъ въ своихъ пѣсняхъ къ русскому царю. Мое прибытіе въ Новый Садъ было событіе. Всѣ шли со мной знакомиться, такъ что у меня было много разговоровъ, мнѣній въ головѣ. Отправился я въ Фрушку гору, Крушедолъ и Раваницы (три монастыря около Карловца). Ко мнѣ присоединился сербъ (не шпионъ ли, думаю я, тѣмъ лучше, покаместъ это избавить меня отъ всякихъ непріятностей). Пріѣхалъ въ монастырь и сталъ ожидать въ пріемной. Вдругъ входитъ Груичъ (епископъ) и комиссаръ Губеръ. Онъ обратился къ сербу. Тотъ сказалъ ему свое имя, а я сказалъ, — такой-то русскій секретарь Генеральнаго Русскаго Консульства въ Пештѣ. Когда они услышали слово русскій, у нихъ земля точно разверзлась передъ ногами. Они отскочили, потомъ быстрыми шагами приблизились ко мнѣ. Начались вопросы, разговоры по-сербски, по-нѣмецки, воспоминанія о Гильфердингѣ. Но я никогда не забуду этого комическаго испуга, который выразился на обоихъ лицахъ. Вотъ и тутъ въ самый важный моментъ, русскій эмиссаръ, да и кто же — русскій генеральный консулъ. Въ монастырѣ насъ накормили и за ужиномъ рассказали, какъ они всѣ сговорились и въ пику мадыарскому правительству выбрали епископа Стойковича патриархомъ. Тутъ были и депутаты изъ Далмаціи, изъ Кроаціи. Показывали мнѣ портретъ кн. Михаила Сербскаго и рассказали о его кончинѣ. Кто-то хотѣлъ показать мнѣ портретъ Франца Іосифа; но другіе нетерпѣливо провели меня впередъ, произнеся: ну, это швабъ. Тутъ былъ портретъ Петра Великаго. Вездѣ этотъ великій Государь предвѣщалъ будущіе пути нашей политики. Пришлось проститься съ Бѣлградомъ и со всѣмъ сербскимъ міромъ и уѣхать въ Пештѣ. Блюмеръ былъ въ отчаяніи отъ моей поѣздки...

Я васъ отпустилъ погулять, сказалъ Блюмеръ, а вы тутъ поднимаете цѣлую газетную бурю... По этому поводу мнѣ даже пришлось объясняться съ самимъ посломъ Новиковымъ, который сказалъ мнѣ, что хорошій дипломатъ тотъ, о которомъ не говорятъ. Про него ходили разные анекдоты о его нерѣши-

тельности. Онъ двадцать разъ передѣлывалъ донесенія, и иногда случалось, что надо распаковывать всю экспедицію, потому что онъ вспомнить о какомъ-нибудь lapsus linguae,—неловкомъ оборотѣ. Обыкновенно посольство держалъ себя недоступно съ такою мелкою сошкою и принимать меня пришлось Татищеву, про котораго ходили самыя странныя исторіи. Говорили, что онъ заложилъ брилліанты г-жи Новиковой, что онъ осѣдлалъ самого Новикова. Хотя онъ былъ только второй секретарь посольства, но онъ значилъ болѣе совѣтника посольства и говорилъ, что Андраши съ нимъ ведутъ переговоры.

Самъ Татищевъ давалъ поводъ этимъ сплетнямъ. Съ мелкою сошкою онъ обращался съ снисходительною граціей и нѣкоторымъ высокомеріемъ. Такимъ лицамъ, какъ Карцевъ (генеральный консулъ въ Бѣлградѣ) онъ сказалъ по-французски: приходите завтра въ ложу Андраши, и мы тамъ потолкуемъ.— Карцевъ на это отвѣтилъ: я не привыкъ заходить съ задняго крыльца. Попробую, насколько это возможно, припомнить мои разныя встрѣчи съ Сергѣемъ Спиридоновичемъ Татищевымъ. Я говорилъ, что видѣлъ я его на вершинѣ если не власти, то вліянія, я тогда его мало зналъ. Въ немъ и тогда мнѣ бросилась въ глаза черта, которая интересуется меня во многихъ русскихъ „хлестаковщина съ примѣсю Кречинскаго“...

Эти люди любятъ бахвалиться своимъ вліяніемъ.

Что случилось, не знаю, но у Татищева сорвалось—онъ долженъ былъ отказаться отъ грандеровъ, вышелъ въ отставку и какъ разъ въ это время подошла наша война съ Турціею и онъ поступилъ волонтеромъ. Онъ страстно, какъ говорилъ одинъ его пріятель, желалъ быть раненымъ, но въ мягкія части... Получивъ Георгій, онъ думалъ вернуться на службу, но не тутъ-то было... Императоръ Александръ III (или Гирсъ) не хотѣлъ принимать его на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ...

Въ эти моменты неудачнаго исканія мѣста, я часто встрѣчался съ Татищевымъ у Стюарта. — Онъ тогда даже откровенничалъ. Стюарта онъ осѣдлалъ по части разныхъ припасовъ, забиралъ у него деньги, рубашки, кормился у него, когда не могъ найти обѣда у кого-нибудь другого. Стюартъ говорилъ мнѣ: шельма, но талантливъ... И затѣмъ читалъ ему свои литературныя произведенія и Стюартъ разыгрывалъ роль Мольеровской кухарки. Онъ тогда написалъ трагедію о паденіи Царьграда, пьесу Данишевы... Спрашивалъ моего мнѣнія. —

Татищевъ былъ тогда уже женатъ на актрисѣ вѣнкѣ и мѣсто-пробываніе его постоянное было Тейфессанъ около Вѣны. Мой Ферней, говорилъ онъ мнѣ о своемъ домѣ ¹⁾. Не слишкомъ ли рано... сравниваете его съ Вольтеромъ — спрашивалъ я.

Но его литературные опыты окончились неудачно и какъ Стюартъ говорилъ *un petit rom, deux petits rom*, (одна неудача, двѣ неудачи).

Потомъ ему удалось осѣдлать Каткова, но Катковъ воспользовался имъ, чтобы насолить Мин. Ин. Дѣлъ.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ начались его статьи о нашей политикѣ при Николаѣ I. Недостатокъ этой и другихъ историческихъ работъ Татищева былъ въ томъ, что онѣ были написаны съ цѣлью посчитаться со своими врагами. Показавъ промахи М. И. Д., что было встрѣчено съ сочувствіемъ нашей публикою, Татищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: „вотъ какого человѣка вы потеряли“, это было достоинствомъ въ полемическомъ сочиненіи, но историкъ долженъ быть безпристрастенъ и во всякомъ случаѣ забыть о своей персонѣ. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ Татищева послѣ появленія его статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ, онъ непременно спрашивалъ меня: прочли ли статью... прочтите... прочтите... Я удивлялся, чѣмъ живетъ Татищевъ. Онъ жилъ, конечно, игрою ума, на его жизнь не хватало, конечно, гонорара, получаемого отъ Каткова и потомъ Суворина.

Затѣмъ когда посѣлъ Лорисъ-Меликова у кормы правленія выступилъ гр. Игнатъевъ, то послѣдній воспользовался Татищевымъ, который изучалъ нашу подпольную литературу и т. д. А вашу книгу (Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи, изд. въ Берлинѣ) мы выписали въ десяти экземплярахъ—и безусловно запретили се—сообщилъ онъ мнѣ конфиденціально.—Потомъ уже его приютилъ, кажется, Витте и далъ ему финансоваго агента въ Лондонѣ, и Татищевъ опять сталъ жить хорошо. Но ему не это нужно было. — Развѣ Вы не думаете, что я не могъ бы быть хорошимъ генеральнымъ консуломъ? Развѣ я хуже такого-то... Когда я ему откровенно высказалъ, въ чемъ его обвиняли—онъ сказалъ французскую пословицу: чтобы покончить съ собакой, говорятъ, что она бѣшеная.

¹⁾ Кажется, купленъ на деньги жены.

Весь трагизмъ его существованія состоялъ въ томъ, что онъ считалъ себя способнымъ достигнуть самыхъ высшихъ ступеней іерархіи и вдругъ, какія-то сплетни, и онъ долженъ пробиваться мелкою работою, быть какимъ-то второстепеннымъ агентомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или по Министерству Финансовъ... Только въ одномъ онъ достигъ извѣстной высоты—это въ его историческихъ трудахъ. Объ ихъ недостаткахъ я уже сказалъ. И они будутъ интересны публикѣ больше по обнародованнымъ въ нихъ историческимъ документамъ, чѣмъ выводами пристрастнаго не въ мѣру автора... Какъ-то разъ я похвалилъ его за предисловіе и за обработку одного тома Историческаго Общества. — Что же вы думаете — я кое-чему выучился, кое-что знаю, замѣтилъ онъ. Со мной онъ обращался какъ равный съ равнымъ, безъ снисходительнаго высокомерія, иногда даже не допытывался моего мнѣнія. — Съ Стuarтомъ, съ Штендманомъ, черезъ которыхъ онъ пролѣзъ въ Историческое Общество, онъ поступалъ по-амикошонски, эксплуатировалъ ихъ напропалую и ни въ грошъ не ставилъ ихъ, остря надъ ними... О руководителѣ нашей политики онъ выражался съ пренебреженіемъ. Какъ-то заговорили о политикѣ Зиновьева. Какая это политика — это политичка Зиновьева, сказалъ онъ по-французски, то есть, личная. Потомъ я потерялъ его изъ виду, когда я уѣхалъ на Дальній Востокъ и послѣ отъ Стuarта слышалъ о его подвигахъ въ той или другой сферѣ.

Послѣ этого отступленія о Татищевѣ, вернемся въ Пештъ.

Жизнь моя проходила безъ особенныхъ тревоженій. Неожиданное знакомство круто измѣнило мою жизнь. Я очень хорошо сошелся съ одною венгерскою барынею изъ очень хорошей фамиліи. Она была очень богата и въ разводѣ съ мужемъ. И мы рѣшились, мой коллега Гранмонъ, она и я посѣтить Балатонское озеро. Тутъ мы были въ настоящемъ мадьярскомъ государствѣ (*madyar orizas*). Благодаря ея любезному содѣйствію я ближе познакомился съ будничною обстановкою этого народа, который недалеко подвинулся впередъ въ томъ, что касается удобствъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я жилъ такою прелестною жизнью, которая не годится въ дневникъ, а скорѣе можетъ попасть въ романъ. Когда мы не видѣлись, она писала мнѣ письма. Венгерцы были очень злы за это увлеченіе ихъ соотечественницы. Какъ бываетъ съ женщинами, она забывала всѣ предосторожности и только думала о своей любви. Не проходило и безъ бурныхъ сценъ. Она очень ревновала меня.

Мы предприняли вмѣстѣ поѣздку въ страну словаковъ. Дорога шла по красивымъ склонамъ Карпатъ, и что за прелестные виды. Суровая красота этихъ мѣстъ смѣнялась очаровательнымъ сочетаніемъ земли, воды, горъ. Мы посѣтили Шемницъ (Чавнице), и я счелъ долгомъ спуститься въ подземное царство. Моя спутница не рѣшилась пройти туда, а я видѣлъ шахты, откуда добывалось золото и т. д. Скромный нѣмецкій городокъ, скверная гостиница, славянскіе поселяне, все это разнообразило впечатлѣніе. Въ тихую лунную ночь мы проѣхали сотню верстъ въ хорошей коляскѣ по самымъ забытымъ мѣстамъ. Были и въ Сліагѣ, гдѣ собирается весь мадыарскій бомондъ на воды. Оттуда черезъ горы въ Шмексъ на ужасную высоту. Великолѣпныя формы и прозрачная вода (достопримѣчательность Шмекса), при этомъ полное уединеніе среди вѣковыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Мы поднимались на каждую высоту. Дорогою мы видѣли только славянъ, и я чувствовалъ себя какъ дома въ этой странѣ. Моя спутница могла убѣдиться, что и въ родной странѣ съ мадыарскимъ языкомъ далеко не уѣдешь. Вернувшись послѣ десятидневнаго отсутствія въ Пешть, мы зажили опять старою жизнью. Наше путешествіе вдвоемъ такъ понравилось, что мы рѣшились повторить его, и теперь мы отправились въ другой конецъ Венгріи „въ Угорскую Русь“. Отправились по Кашау-Одербергской дорогѣ. Были въ русскіхъ Кашицахъ (Кашау). Были въ Мухагевѣ, гдѣ я посѣтилъ достопримѣчательности, а главное могъ говорить по-русски съ каждымъ поселяниномъ. Уже городъ поразилъ меня своимъ прекраснымъ видомъ. Въ монастырѣ намъ показывали разныя рѣдкости, но главное, монахъ высказался передъ М-мъ Х. за яраго ненавистника мадыаръ. Вели мы оживленную бесѣду на русско-нѣмецкомъ языкахъ. Мадыары насъ притѣсняютъ, сказалъ онъ ей, и мы ихъ не любимъ. Они не позволяютъ намъ писать на своемъ языкѣ, дѣлаютъ намъ всякія придирки. Отсюда отправились черезъ горы и доли уже на простой повозкѣ (экипажъ не особенно удобный для барыни, привычной къ роскоши и удовольствіямъ). Насъ чуть не опрокинуло. Потомъ пріѣхали въ громадную деревню, и кучеръ нашъ русинъ безъ церемоніи ввезъ насъ въ темный сарай съ сѣноваломъ. Мы остолбенѣли отъ удивленія. Я объяснился съ нимъ, и онъ указалъ мнѣ на корчму, гдѣ имѣлась грязная комната въ нѣсколько аршинъ длины. Въ первый разъ своей жизни Х. должна была сказать „дайте вода“ и т. д. Потому что кромѣ русскаго ничего не знали. Желая найти болѣе удоб-

ное помѣщеніе, мнѣ пришла блестящая мысль отыскать мѣстнаго священника. Онъ навѣрное дастъ мнѣ какъ русскому почлегъ. Радостно шелъ я по селенію, гдѣ отовсюду раздавался веселый малороссійскій говоръ. Тамъ проходили косцы, напѣвая стройную хоровую пѣсню. Но оказалось, я ошибся дорогою и попалъ къ католическому попу, который принялъ меня не очень радушно. Пришлось возвращаться домой, но уже настала темнота, и я не зналъ, въ какой корчмѣ мы остановились... я спрашивалъ дорогу, мнѣ смѣялись въ слѣдъ: якая корчма,—ихъ много. Темно, грязно, и никого не видно на улицѣ. Идетъ молодница. Укажи дорогу... Она боится, но когда я подалъ ей *zwanziges*, она успокоилась и довела наконецъ до цѣли. Не менѣе интересна была поѣздка въ Маршарошъ Сигетъ, гдѣ каменная соль. Прибыли мы въ праздникъ. Вездѣ съ пѣснями, цвѣтами попадались намъ навстрѣчу румынки и малороссіянки. Я потерялъ свою палку; вдругъ слышу позади возгласъ „пань, не ваша ли палка“. Кто вы, мы русскіе; изъ какой деревни? Назвали. А вы откуда?—Я изъ Россіи. Удивленію ихъ не было конца. Тамъ царь нашъ. Рассказываютъ про поселенъ престранные анекдоты. Входитъ хохоль въ присутствіе и кланяется, приговаривая: „Вашему нѣмецкому царю и *нашему русскому царю*“. Мнѣ не хотѣли показать рудниковъ, но какъ только начальникъ (онъ оказался потомъ славяниномъ) узналъ, что я русскій, то не только все показалъ, но и сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Пошли разспросы, разсужденія, пускай только пріѣдутъ русскіе, мы усыплемъ ихъ путь цвѣтами. И это не онъ одинъ говорилъ, это говорили многіе, начиная отъ образованныхъ до самыхъ простыхъ работниковъ. Поразила меня оставленная и затопленная водою шахта. Проводнику стоило только ударить весломъ по водѣ, и раздавался громъ подъ нами. Когда онъ бралъ ноту, то слышалось гармоническое пѣніе. Долго я вспоминалъ это чудное пѣніе въ затопленной шахтѣ и такъ хотѣлось опять и опять услышать эту музыку природы.

Можетъ быть уже создалась легенда объ чудной пѣснѣ Бога земли, и набожный русинъ осѣняетъ себя крестомъ, спускаясь въ это таинственное царство.

Меня потянуло назадъ въ Россію. Да и дѣла по имѣнію требовали моего присутствія. Блюмеръ, по обыкновенію, былъ въ Дрезденѣ. Я черезъ посла выпросилъ себѣ отпускъ. Блюмеръ пріѣзжаетъ — и рветъ и мечетъ. Я вамъ не могу дать отпуска. А я поѣду. Ну я тогда обращусь съ вами, какъ съ

дезертирующимъ свой постъ... Кончилось тѣмъ, что мы не видѣлись и я не ходилъ къ нему. Наконецъ дѣло уладилось. Жена съ дочерью пріѣхали къ Блюмеру, и онъ отпустилъ меня. Венгерцы, чтобы показать, что они ничего не имѣютъ противъ Россіи, приняли жену и дочь Блюмера съ распростертыми объятіями. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балы, вечера... Однимъ словомъ, мой промахъ послужилъ въ пользу семейства Блюмера.

Мнѣ хотѣлось еще видѣть Карпаты, еще разъ мелькомъ услышать русскую рѣчь и затѣмъ проститься съ Венгріей. Въ Межѣ Лаборца останавливается поѣздъ на цѣлую ночь, и тутъ я разговорился съ гр. А., родственникомъ Андраши. Какъ мѣстный житель, онъ сообщилъ мнѣ о средствахъ здѣшнихъ помѣщиковъ, о вліяніи поповъ (православныхъ) на крестьянство, о Добрянскомъ, который пользуется громаднымъ авторитетомъ среди мѣстнаго населенія. Они, т. е. крестьяне, сказалъ онъ мнѣ, очень хорошо поютъ, и я часто съ ними пою въ хорѣ. Вотъ настоящая ваша роль, господа мадьяры — это пѣть въ униссонъ съ русскими, подумалъ я.

Мысль о паденіи чужеяднаго мадьярско-нѣмецкаго государства была для меня такъ ясна, что я чрезвычайно удивился по возвращеніи въ Россію, что я встрѣтилъ тамъ такое полное незнаніе славянства. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ найти сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, но, увы, ошибся. Ихъ не знали совсѣмъ. Нѣкоторыя лица даже совѣтовали мнѣ: „Бросьте вы этихъ славянъ. *Ce n'est pas comme il faut*“. Общій тонъ — полное равнодушіе, незнаніе и даже какая-то брезгливость къ славянамъ, которые являлись за пособіемъ въ министерство. Точь въ точь пріѣздъ бѣдныхъ родственниковъ къ знатному барину. Славяне, которые утратили обезпеченное, общественное положеніе на родинѣ, съ горечью отзывались, что они разочарованы въ русскомъ обществѣ. Имъ казалось, что ихъ примутъ съ открытыми объятіями; на дѣлѣ выходило, что они встрѣчали ласковый пріемъ лишь у нѣкоторыхъ членовъ славянскихъ комитетовъ; они охали съ ними и отпускали ихъ, въ тайнѣ думая: когда же отвяжется отъ меня этотъ бѣдный родственникъ. Люди съ наболѣвшимъ сердцемъ по неволѣ односторонни. Потомъ, нѣкоторые изъ славянскихъ дѣятелей, игравшіе на родинѣ видную политическую роль, оказались въ Россіи ни при чемъ. Славянскій комитетъ не пользовался тогда значеніемъ среди нашихъ литературныхъ кружковъ. Дѣлалъ онъ чрезвычайно мало. Это былъ какой-то офиціозный

департаментъ внѣшней политики; засѣданія были мертвенны, вялы. Комитетъ ограничивался разсылкою старыхъ ненужныхъ книгъ, иконъ и церковныхъ облаченій въ славянскія земли. Дѣятельность его въ Австріи была ничтожна. Нужно ли было поддержать какое-нибудь общество, какую-нибудь славянскую газету въ Австріи, всегда этому былъ одинъ отвѣтъ: „нѣтъ денегъ“. Мои сообщенія Стремоуховъ нашелъ интересными, но сказалъ: вы преувеличиваете... Хвалилъ тактъ и умъ Андраши. Потомъ въ министерствѣ смѣялись и говорили, что я открылъ Угорскую Русь.

Несмотря на это, товарищи приняли меня съ распростертыми объятіями, и когда Розень былъ назначенъ секретаремъ въ Японію, я получилъ мѣсто дѣлопроизводителя Азіатскаго департамента.

(Продолженіе слѣдуетъ).

